

Люсинда
Райли

Лавандовый Сад

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P18

Lucinda Riley

THE LIGHT BEHIND THE WINDOW

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

Copyright © Lucinda Riley 2012

The author has asserted her moral rights. All rights reserved

Перевод с английского *Зинаиды Красневской*

Художественное оформление *Натальи Каптыкиной*

Райли, Люсинда.

P18 Лавандовый сад / Люсинда Райли ; [перевод с английского З. Красневской]. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-099346-8

Эмили наследует по линии отца старинный родовой замок с прекрасными садами и виноградниками, но вместе с этим — уйму долгов и вопросы без ответов о прошлом семьи.

До этого она вела простую жизнь в Париже. У Эмили были сложные отношения с матерью, она не планировала возвращаться в места, где провела детство. Однако смерть матери и знакомство с Себастьяном, владельцем картинной галереи в Лондоне, чья бабушка также была связана с родовым домом Эмили, перечеркивают всю ее жизнь на до и после.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Красневская З., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-099346-8

Посвящается Оливии

То, что вы собой представляете, есть дело случая,
этим вы обязаны исключительно факту
своего рождения; *а всем, чем являюсь я,
я обязан только самому себе.*

Людвиг ван Бетховен

Свет за окном

*Глухая полночь за окном.
Мой мир теряется во мгле.
Ночная тьма накрыла дом.
Откуда ждать спасенья мне?*

*Но с первым проблеском зари
Вновь светом полнится душа.
Не руки ль тянутся твои,
Чтобы согреть меня?*

*Как сладок пробужденья час,
Когда из тени выступаешь ты.
Огонь желанья вспыхивает в нас,
И сердце тает от любви.*

*Да будет свет ликующего дня!
Сгорела ночь, и растворился мрак.
О, как же я люблю тебя,
Тебя, мой свет! И это так...*

София де ла Мартиньер
Июль 1943 года

1

Гасси, Юг Франции, весна 1998 года

Эмили почувствовала, как ослабла и разжалась рука, которую она держала, и взглянула на мать. Кажется, душа Валерии уже отделилась от ее тела. И боль тоже отступила, разгладив все черты покойной. Эмили смотрела на просветленное лицо своей матери и вдруг вспомнила о том, какой красавицей она была когда-то.

— Отошла! — невнятно пробормотал Филипп, ее лечащий врач, констатируя очевидное.

— Да, ушла.

Эмили услышала, как доктор, стоя у нее за спиной, стал читать молитву, но особого желания присоединиться к нему у нее не возникло. Она тупо уставилась на мать, с удивлением замечая, как быстро сбегает краска с ее лица, как буквально на глазах сереет кожа и превращается в прах плоть женщины, которая довлекла над ее жизнью целых тридцать лет. На какую-то долю секунды Эмили даже захотелось потрогать мать, встряхнуть ее, заставить очнуться. Уж слишком стремительным был переход от жизни к смерти, особенно учитывая сильный и властный характер Валерии де ла Мартиньер. Разум дочери отказывался признать очевидное.

Эмили не была вполне уверена в том, что ее переживания в эту минуту были такими, какими им следовало или полагалось быть. Впрочем, за последние несколько недель она уже не раз мысленно обыгрывала саму ситуацию, вот, наверное, и привыкла к неизбежности развязки. Эмили отвернулась от усопшей матери

и взглянула в окно: в голубом небе зависли перистые облака, похожие издали на сырые меренги. Через открытое окно в комнату долетел слабый писк жаворонка, старательно оповещающего всех о наступлении весны.

Эмили медленно поднялась со стула, чувствуя, как онемели ноги после многочасового ночного бдения у постели больной, и подошла к окну. Пейзаж, открывшийся ее взору в этот ранний утренний час, был на удивление легким и жизнеутверждающим. Ничто не напоминало о той тяжести утраты, которой обернулась минувшая ночь. Природа являла миру свое свежее, будто только что проявленное изображение, как она это делала всякий раз на рассвете. Типичная палитра провансальских красок: мягкие полутона смеси зелени и умбры, свидетельствующие о наступлении нового дня. Эмилия посмотрела вдаль. Прямо за террасой начинался огромный регулярный парк, который тянулся вплоть до виноградников, окружающих дом со всех сторон и волнообразно стелющихся до самого горизонта. Великолепный вид! К тому же неизменный в своей величавой красоте на протяжении столетий. Замок де ла Мартиньер был ее убежищем, ее пристанищем в детстве, тем уголком, где она чувствовала себя в полной безопасности. Его спокойная и величавая незыблемость, кажется, уже вошла в ее плоть и кровь, навеки отпечатавшись в извилинах ее сознания.

И вот отныне замок принадлежит ей. Хотя вряд ли мама оставила ей что-то, кроме финансовых издержек. Разве что какую-то сумму на то, чтобы и далее содержать замок в надлежащем виде. Впрочем, в этом Эмили совсем не была уверена.

— Мадемуазель Эмили... Оставляю вас наедине с усопшей, чтобы вы могли попрощаться с нею.

Голос доктора нарушил ход ее мыслей.

— А сам пойду вниз. Мне еще надо бумаги оформить, заполнить все необходимые бланки. Мне очень жаль... Еще раз примите мои самые искренние соболезнования.

Врач отвесил легкий полупоклон и покинул комнату.

А мне жаль? — мелькнуло у Эмили.

Вопрос пулей просвистел в ее голове. Она подошла к стулу и снова уселась на него. Попыталась начать искать ответы на те вопросы, которые встали перед нею после смерти матери. И все они торопили ее с ответом. Надо проявить решительность и твердость, свести воедино раздирающие друг друга эмоции, чтобы обрести некую уверенность в себе и в своих силах. Конечно, с первого раза такая попытка едва ли окажется успешной. Ведь эта женщина, которая на протяжении всей жизни Эмили имела над ней некую странную, необъяснимую власть и которая сейчас неподвижно лежала перед нею, более не представляя для нее никакой угрозы. А при жизни матери Эмили всегда было неудобно в ее присутствии, да и влияние матери всегда казалось дочери пугающе сложным.

Да, Валерия подарила дочери жизнь. Она кормила, одевала Эмили, давала ей кров. Никогда, ни единого разу она не ударила ее, не обидела, не унизила.

Она ее просто не замечала.

Валерия, — Эмили задумалась в поисках подходящего слова, — она просто *не интересовалась* ею. Что в какой-то степени поспособствовало тому, что постепенно Эмили превратилась в дочь-невидимку.

Эмили положила свою руку на руку матери и обронила едва слышно:

— Ты меня не видела, мама... Ты меня не видела...

Для Эмили всегда было мучительно осознавать, что ее рождение, скорее всего, было такой неохотной уступкой необходимости. Ведь семейству де ла Мартиньер нужен был наследник по прямой. Как можно прервать преемственность поколений? А потому рождение ребенка было продиктовано не столько желанием Валерии стать матерью, сколько осознанием своего долга перед фамилией мужа. А уж когда на свет появилась наследница вместо желанного и нужного наследника, то Валерия и вовсе утратила всякий интерес к новорожденной. Она была уже слишком немолода, чтобы сделать еще одну попытку стать матерью — ведь Эмили появилась на свет уже на излете ее репродуктивного возраста, в сорок три года. А потому сразу же после рождения до-

чери Валерия вернулась к своей прежней великосветской жизни в Париже, где она славилась как хозяйка одного из самых изысканных домов, такая очаровательная, утонченная и красивая хозяйка богатого и гостеприимного дома. А что же до Эмили, то ее присутствию в своей жизни Валерия уделяла не больше внимания, чем своим любимицам чихуахуа. Подумаешь, к трем четвероногим, уже обитающим в доме, добавилась еще одна собачонка. Изредка девочку извлекали из детской комнаты и ласкали наравне с собачками, но только тогда, когда маман считала это нужным или необходимым. Впрочем, у чихуахуа было заметное преимущество перед ребенком. Ведь их же было трое, они хотя бы могли играть друг с другом. А вот Эмили провела большую часть своего детства в полнейшем одиночестве.

Пожалуй, прохладному отношению матери к дочери поспособствовало и то, что Эмили пошла в породу де ла Мартиньеров, не унаследовав почти ничего от изящной, миниатюрной Валерии, хрупкой блондинки, позаимствовавшей цвет волос у своих славянских предков. В отличие от красавицы матери, Эмили росла приземистой, плотной, смуглолицей, с пышной гривой каштановых волос, которые регулярно, каждые шесть недель, подстригались под мальчишка. Густая челка свисала до самых бровей, темных, как у ее отца, которого звали Эдуардом.

— Я иногда смотрю на тебя, дитя мое, и сама удивляюсь. Неужели это я произвела тебя на свет? — роняла порой мать свои комментарии в те редкие моменты, когда она появлялась в детской перед тем, как, скажем, отправиться в оперу. — Слава богу, хоть глаза у тебя мои.

А Эмили порой охватывало непреодолимое желание вырвать из глазниц эти голубые глаза и заменить их такими же глазами, как у папы, красивого светло-карего цвета. Она считала, что к ее лицу голубые глаза совсем не подходят. К тому же всякий раз, когда она смотрелась в зеркало и встречалась взглядом с этими голубыми глазами, то видела в этот момент перед собой маму.

Да и вообще, Эмили совершенно искренне полагала, что она появилась на свет безо всяких способностей, особенно тех, которые могла бы оценить ее мать. В возрасте трех лет ее повели в

балетную школу. И тут Эмили обнаружила, что ее тело категорически отказывается повиноваться ей и отчаянно сопротивляется тому, чтобы встать в нужную позицию. Пока другие девочки порхали по студии, словно легкокрылые бабочки, она неуклюже пыталась продемонстрировать хоть какие-то признаки грации. Но ее маленькие крепкие ножки упорно сопротивлялись, не желая отрываться от земли и взмывать ввысь, а потому любая ее попытка неизменно оканчивалась неудачей. Уроки музыки — ее стали обучать игре на пианино — тоже потерпели фиаско. А занятия по вокалу не состоялись, потому что, как выяснилось, она начисто лишена слуха.

В равной степени она чувствовала себя неуютно в нарядных девичьих платьях, когда мама заставляла ее присутствовать на своих суаре, которые она устраивала в розарии, украшавшем задний двор их парижского особняка. Именно там среди благоухающих роз Валерия проводила свои знаменитые на весь Париж приемы и вечеринки. Как правило, Эмилия забивалась в самый дальний угол и уже оттуда весь вечер наблюдала за тем, как ее мать, красивая, элегантная, обворожительная во всех смыслах дама, искусно лавирует между гостями, ведя с ними непринужденные светские разговоры. Сама же Эмилия, и это постоянно случалось с нею на всяких светских мероприятиях не только в Париже, но и у них в замке, чувствовала себя стеснительно и боялась выдать из себя лишнее слово. То есть к отсутствию всех мало-мальски стоящих талантов добавлялось еще и это: она начисто была лишена той светской непринужденности и особого шарма, которые были присущи Валерии.

Вместе с тем в глазах окружающих она была ребенком, рожденным, что говорится, с серебряной ложкой во рту. Ведь у нее было все. Поистине сказочное детство: красивый дом в Париже, отменное происхождение — и отец, и мать были из родовитых дворянских семей с многовековой родословной, богатство, которое по счастливой случайности сохранилось и в годы военного лихолетья. Словом, у нее было все, о чем иные молодые француженки могли только мечтать.

Но по крайней мере в детстве у нее был любимый папа. Не то чтобы он проявлял к ней больше внимания, чем мать. Отец был всецело занят своими раритетными книгами, собрание которых он неустанно пополнял и расширял. Это собрание хранилось в их фамильном замке. Но все же когда Эмили удавалось хоть изредка привлечь внимание отца к своей персоне, то он удостоивал ее своим вниманием и дарил девочке ту любовь, которой ей так не хватало.

Когда она родилась, отцу было уже шестьдесят. Он умер, когда ей исполнилось четырнадцать. Они редко встречались и провели вместе не так уж много времени, но Эмили быстро поняла, как многое в своем характере она унаследовала именно от отца. Эдуард был спокойным, уравновешенным и глубокомысленным человеком. Шумной светской круговерти с бесконечной чередой гостей и посетителей, которую устроила его жена в их парижском доме, он предпочитал тихую, размеренную жизнь в замке в окружении своих драгоценных книг. Эмили часто задавалась вопросом, как могли влюбиться друг в друга и сойтись две такие противоположности, как ее отец и мать. Но одно не вызывало сомнения: Эдуард обожал свою молодую, намного моложе его самого, жену. Ни единого слова жалобы или упрека по поводу ее рассеянного образа жизни, хотя большую часть времени он коротал в одиночестве в своем замке. К тому же он явно гордился и красотой Валерии, и ее известностью в светских гостиных Парижа.

Часто в конце лета, когда наступала пора им с матерью возвращаться в Париж, Эмили начинала упрашивать отца позволить ей остаться.

— Папочка! Мне так хорошо здесь с тобой, в деревне. Можно я останусь? Здесь же и школа есть в деревне... Я бы ходила в эту школу, ухаживала бы за тобой. Наверняка ведь тебе одиноко, когда мы уезжаем и ты остаешься в замке один.

Эдуард ласково трепал дочку за подбородок, но всегда отвечал неизменным «нет».

— Нет, моя милая. Несмотря на то что я тебя очень люблю, тебе надо возвращаться в Париж. Ты должна посещать уроки в

своей школе, а еще учиться у мамы искусству того, как стать настоящей дамой.

— Но, папочка! Я совсем не хочу возвращаться в Париж вместе с мамой. Я хочу остаться здесь, с тобой...

А потом, когда ей исполнилось тринадцать... Эмили смахнула внезапно набежавшие слезы. Она все еще не была морально готова снова вернуться в собственное прошлое, в тот злополучный отрезок времени, когда равнодушные матери к своей дочери обернулось вдруг откровенным пренебрежением, искалечившим всю ее дальнейшую жизнь. Эмили так и не смогла простить этого матери.

— Как же ты *могла*, мама, не замечать всего того, что происходило со мной? Ведь я же твоя дочь!

Один зрачок у Валерии вдруг расширился, и Эмили даже вздрогнула. Внезапно ее объял страх. А вдруг мама еще жива и даже слышала, что она только что сказала? Она взяла руку Валерии за запястье (нужно убедиться еще раз!) и стала нащупывать пульс. Пульса не было. Просто непроизвольно сработали остывающие мускулы. Расслабились, явив на короткое мгновение некое подобие признаков жизни.

— Мама... Я постараюсь простить тебя. Я сделаю все от себя зависящее, чтобы понять тебя. Но конкретно сейчас, в эту самую минуту, я даже не могу сказать, счастлива ли я от того, что ты ушла... Или что твоя смерть сильно огорчила меня.

Эмили вдруг почувствовала, что ей трудно дышать. Такая своеобразная защитная реакция на ту боль, которая скрывалась в ее словах, впервые произнесенных вслух.

— А ведь я так любила тебя... так старалась угодить тебе во всем, делала все, чтобы привлечь к себе твое внимание и завоевать твою любовь. Чтобы почувствовать себя... *достойной* быть твоей дочерью. Видит Бог, я делала для этого все! — Руки Эмили непроизвольно сжались в кулаки. — Что и понятно. Ведь ты была моей *матерью*.

Ее слова эхом отозвались в огромной спальне, и она испуганно замолчала. Какое-то время она бесцельно созерцала нарисованный фамильный герб, украшавший спинку величественного